ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

М.К. РЯЗАНОВА
(ИСАА МГУ, Москва)

Представления Ким Дэ Чжуна о демократии в контексте дискуссии об азиатских ценностях

Президента РК Ким Дэ Чжуна (1998–2003) принято считать убежденным сторонником западной демократии, не сомневавшимся в ее эффективности для любой страны мира. Этот образ «западника» подкрепляется тем фактом, что Ким был христианином. Однако изучение публицистики Кима позволяет обнаружить, что он писал не об универсальности **западной** демократии, но об универсальности демократии вообще. В отличие от президента Пак Чон Хи или сингапурского лидера Ли Куан Ю, Ким не делил демократию на западную и азиатскую. Не склонен он был и искать, подобно Ли, в конфуцианской культуре факторы, затрудняющие становление классической демократии в странах региона. Напротив, он приводил ряд примеров, показывающих демократическую сущность конфуцианского учения и восточной философии в целом. Он также доказывал наличие самобытного демократического потенциала непосредственно в корейском обществе, привлекая примеры из корейской истории (движение *тонхак*, Первомартовское восстание и др.). Концепция Ким Дэ Чжуна, таким образом, оказывается альтернативной по отношению и к идеологии вестернизации, и к теории «азиатских ценностей».
Ключевые слова: *Ким Дэ Чжун*, *Ли Куан Ю*, *азиатские ценности*, *демократия*, *конфуцианство*.

В литературе распространено представление о Ким Дэ Чжуне как об убежденном адепте западной демократии, стремившемся искоренить традиционную политическую культуру и перейти к западной культуре «общечеловеческих ценностей». Он известен как противник движения за «азиатские ценности»: в 1997 г. он писал, что «теория особых азиатских ценностей есть не что иное, как миф, выдвинутый противниками модернизации азиатских стран», а в 1998 г. и вовсе объявил указанную теорию виновницей азиатского экономического кризиса[1]. Принято полагать, что Ким провозглашал универсальность западной демократической модели и применимость ее ко всем странам мира без исключений. Однако подобное ви́дение представляется существенным упрощением реальной картины. Внимательный анализ основных тезисов публицистики Ким Дэ Чжуна позволяет взглянуть по-новому на его политическую концепцию.

[1] *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 204.

В 1994 г. в американском журнале “Foreign Affairs” была опубликована статья Кима “Is Culture Destiny?”[2], ставшая ответом на интервью Ли Куан Ю, опубликованное в том же журнале несколькими месяцами ранее. В своем интервью сингапурский лидер, рассуждая о впечатляющих экономических достижениях Сингапура и других азиатских стран, всячески подчеркивал значение культурных факторов в судьбе наций и государств. Он выражал уверенность в том, что огромную роль в экономических успехах стран Восточной Азии сыграло конфуцианское учение, отмечая такие элементы конфуцианской морали, как бережливость, трудолюбие, сыновняя почтительность, а главное — уважительное отношение к науке и образованию[3].

Ли Куан Ю критически относился к применению западной модели демократии в восточноазиатских государствах. По его мнению, существуют фундаментальные различия между базовыми принципами социальной организации в западных странах и в государствах конфуцианской культуры, а именно между индивидуализмом первых и коллективизмом вторых. Чрезмерный акцент на соблюдении индивидуальных прав оборачивается, по его наблюдению, рядом побочных эффектов и дестабилизацией общественного порядка. Ли принимает модернизацию, но выступает резко против вестернизации, заявляя, что недопустимо навязывать западную систему ценностей тем странам, в которых она просто не будет работать[4].

В отличие от своего сингапурского коллеги, Ким Дэ Чжун был убежден в том, что «демократия победит во всем мире», что «это реальность, независимо от идеологии, религии, расы или истории» и что страны, в которых еще не установлен демократический строй, должны стремиться к нему[5]. В статье 1994 г. он трактовал распад СССР и социалистической системы, многими воспринятый как историческая победа капитализма над социализмом, как триумф демократической власти над диктаторской. По его наблюдениям, страны демократического капитализма, равно как и социализма, процветают, в то время как ряд латиноамериканских государств, вставших на путь капиталистического развития, но отвергающих при этом демократию, не могут похвастаться успехами. В тех странах, где экономическое развитие предшествовало политическому (Германия, Япония, Италия), капиталистические тенденции, по мнению Ким Дэ Чжуна, рано или поздно сошли бы на нет, если бы не получили в свое время фундамента в виде демократии. Президент был уверен, что в условиях нарастающей международной экономической конкуренции у азиатских стран просто нет выбора: современные экономические реалии требуют гарантированной свободы мысли и творчества, а это возможно только в демократическом обществе[6].

Хочется, однако, обратить внимание на следующее: Ким Дэ Чжун не проповедовал универсальность **западной** демократии — он утверждал универсальность демократии как таковой. В его статьях разных лет, посвященных проблеме демократизации Кореи, нет призывов что-либо «перенимать» у Запада, равно как и коренным образом

---

[2] *Kim Dae-jung*. Is Culture Destiny? The Myth of Asia’s Anti-Democratic Values // Foreign Affairs. November–December 1994 [Electronic resource]. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/50557/kim-dae-jung/is-culture-destiny-the-myth-of-asias-anti-democratic-values?page=show

[3] *Fareed Zakaria*. Culture is Destiny: A Conversation with Lee Kuan Yew // Foreign Affairs. March–April 1994 [Electronic resource]. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/49691/fareed-zakaria/a-conversation-with-lee-kuan-yew

[4] Ibid.

[5] *Ким Дэ Чжун*. Драмы и надежды демократии. М.: Изд-во «Республика», 1992. С. 119.

[6] *Kim Dae-jung*. Op. cit.

ломать традиционный уклад корейского общества. «Никто не будет спорить с протестом Ли (Ли Куан Ю. — *М.Р.*) против навязывания чуждой системы странам, где она не будет работать. Вопрос в том, настолько ли чужда демократическая система культуре азиатских стран»[7], — писал он. Ким Дэ Чжун не рассматривал демократию как нечто внешнее, чуждое, привнесенное извне — напротив, он находил ее естественно присущей восточной цивилизации вообще и Корее в частности. Демократия для него не ограничивалась комплексом принципов политического и социального устройства, для него это скорее философия, мироощущение, в основе которого — стремление к гармонии, свободе личности и всеобщему благополучию. Потому он вообще не был склонен делить ее на «западную» и «азиатскую».

В корейской истории Ким Дэ Чжун искал демократические черты и представлял их как достижение исконно корейской культуры. Истоки корейских демократических традиций Ким обнаруживал уже в корейской мифологии и в принципе *хонъик инган* (홍익인간). Эта формула впервые упоминается в мифе о Тангуне и выражает образ гармоничного государства и идеального правления, когда правитель «распространяет благо на все человечество», выполняя волю Неба. Этот принцип является одной из важнейших концепций в корейской общественно-политической мысли, на протяжении XX в. на него ссылались историки, просветители и политические деятели, в частности, участники Движения за независимость[8]. В трактовке Кима этот образ воплощает идею помощи всем людям. Преемственность древних традиций Ким Дэ Чжун прослеживает в философской доктрине *тонхак*, в основе которой лежал тезис о равенстве человека Небу, что позволило Ким Дэ Чжуну сделать вывод об истинно демократическом характере этого религиозного учения. Участники масштабного крестьянского восстания 1894 г., вдохновленные идеями *тонхак*, требовали справедливого распределения земли, реформирования сословной системы, разрешения вдовам повторно выходить замуж, устранения коррумпированных чиновников, участия народа в местном самоуправлении. Вместе с тем восставшие выступали против «засилья западных варваров» и боролись за независимость страны. Ким Дэ Чжун считает примечательным тот факт, что в Корее конца XIX в., еще изолированной от мира, самостоятельно сформировалось движение, проповедовавшее демократические идеалы, и делает вывод о наличии самобытного демократического потенциала в корейском обществе[9]. В качестве другого примера идейных исканий корейского народа и его борьбы за независимость и демократию он вспоминает Первомартовское восстание 1919 г.[10]. Среди прочих он называет такие предпосылки для демократии в корейской истории, как уважение к правам женщин (право женщин оставлять свою фамилию); выраженный в истории о Хонкильдоне, «корейском Робин Гуде», протест против социальной несправедливости; существовавший в эпоху раннего Силла совет общины, принципы которого Ким сравнивает с афинской прямой демократией; власть гражданских, а не военных лиц (в отличие от милитаризма сёгуната Токугава); мирная внешняя политика; стремление корейцев к образованию и культурному развитию; просветительское движение *сирхак*[11]. Упорные попытки применить совре-

[7] Ibid.

[8] 한국민족문화대백과사전 (Большая энциклопедия корейской национальной культуры). Т. 25. Сеул, 1999. С. 104.

[9] *Ким Дэ Чжун*. Указ. соч. С. 114.

[10] Там же. С. 122.

[11] Там же. С. 115, 118, 120.

менную терминологию к явлениям далекой древности порой вызывают улыбку, какие-то из них и вовсе выглядят откровенной натяжкой (даже пресловутая фракционность, общепризнанный порок корейской политической культуры, в интерпретации Ким Дэ Чжуна предстает чуть ли не проявлением плюрализма[12]), однако нас интересует сейчас не столько аргументированность и убедительность его позиции, сколько общая концептуальная направленность.

Интересно, кстати, отметить, что подобным поиском примеров демократии в корейской истории занимался и президент Пак Чон Хи. В восстании адептов доктрины *тонхак*, равно как и в Первомартовском восстании 1919 г., он прослеживал истоки зарождения самобытной, *кореезированной* демократии. Большое внимание он уделял и формуле *хонъик инган*. По его оценке, это — важнейший принцип корейской демократии, отражающий традиционное политическое мышление корейцев. Однако если Пак апеллировал к корейским традициям, чтобы оправдать неминуемую авторитарность *кореезированной* демократии, то Ким убедительно показал, как традиционные ценности, напротив, могут способствовать становлению классической, настоящей демократии[13].

Ким Дэ Чжун, впрочем, пошел дальше Пака: не ограничиваясь поисками демократии в корейской[14] истории, он доказывал глубинную демократичность конфуцианской культуры и восточной цивилизации вообще. По его убеждению, все те черты, которые приписываются конфуцианству тенденциозными средствами массовой информации на Западе (склонность почитать правителей и презирать простой народ, стремление к жесткой иерархичности, пренебрежение гражданским складом ума), на самом деле ему не свойственны[15]. Сомнения в «пригодности» демократии для азиатских стран, по его мнению, генерируются в основном авторитарными лидерами этих же стран, и в этой апологии авторитаризма наиболее последователен Ли Куан Ю. «Учитывая тотальную нетерпимость к инакомыслию и непрекращающиеся репрессии в отношении диссидентов во многих азиатских государствах, невольно задаешься вопросом — а был ли демократии хотя бы дан шанс в странах, подобных Сингапуру?»[16] — с сарказмом замечает президент. Он убежден, что Азия, напротив, обладает богатым наследием демократически ориентированных философских систем, а потому имеет все шансы даже превзойти Запад в деле развития демократии. Догматы политической философии Джона Локка, заложившего основы современной западной демократии, он сравнивает с учением китайского мыслителя Мэн-цзы. Локк писал о подотчетности власти закону, о праве людей свергнуть тираническую власть, посягающую на их естественные права. Почти за два тысячелетия до Локка похожие идеи высказал Мэн-цзы: Небо предоставляет императору мандат для правления, однако в случае недостойного правления народ имеет право восстать. По Мэн-цзы, чаяния народа — превыше всего, далее следуют интересы государства и лишь затем — императора. Волю народа, таким образом, следует уважать так же, как волю Неба. То же мироощущение Ким Дэ Чжун обнаруживает и в буддийском учении, согласно которому каждое существо способно уподобиться Будде. Таким образом, философ-

[12] Там же. С. 118.
[13] *Park Chung Hee*. Our Nation's Path: Ideology of Social Reconstruction. Seoul, 1970. P. 107.
[14] *Park Chung Hee*. To Build a Nation. Washington, 1971. P. 25.
[15] *Ким Дэ Чжун*. Указ. соч. С. 116.
[16] *Kim Dae-jung*. Op. cit.

ские доктрины конфуцианства, буддизма и корейского учения *тонхак* содержат в себе фундаментальные принципы демократии, а значит, Азия не уступает Западу в достижениях демократически ориентированной философии. Ким Дэ Чжун признает первенство Запада в реализации демократических идей на практике, в разработке эффективной избирательной демократии. Однако он считает неправомерным заявлять о непригодности этой системы в азиатском регионе только лишь потому, что она была разработана за его пределами[17].

Среди демократических элементов конфуцианского учения Ким Дэ Чжун выделяет стремление к прагматизму и рационализму, почтительное отношение к закону, уважение свободы волеизъявления. Прогрессивность конфуцианства проявила себя в научных достижениях китайской цивилизации (изобретении бумаги, компаса, пороха), опередивших развитие наук на Западе. Демократическим он считает конфуцианский принцип меритократии, набора служащих по квалификации, а не по происхождению. В Китае и в Корее, подчеркивает Ким, даже сыновья высокопоставленных чиновников должны были сдать экзамены, чтобы занять важные государственные посты. Такую систему он считает более демократичной по сравнению с системой наследования должностей на Западе в эпоху феодализма. Система государственных экзаменов гарантировала равные возможности и социальную мобильность разных общественных групп, что является одним из признаков современной демократии. Кроме того, гарантировалось право на свободу самовыражения, выдвинутое Конфуцием. Ким Дэ Чжун отмечает, что свобода слова высоко ценилась в силу того, что от нее зависела судьба государства: конфуцианские интеллектуалы считали своим долгом указать правителю на ошибки в политике. При корейском правительстве, напоминает он, существовали специальные ведомства, в функции которых входило критиковать правительственную политику, давать вану советы и контролировать деятельность государственных учреждений. Все представители сословия янбанов обладали правом обратиться непосредственно к монарху, а не имевшие такого права простолюдины, если у них был срочный вопрос к вану, могли прийти к королевскому дворцу и ударить в специально установленный барабан[18].

Как же в таком случае Ким Дэ Чжун объясняет причины провала демократии в Корее на предыдущих этапах модернизации? Он называет факторы куда более конкретные, чем отсутствие демократических идеалов в историческом прошлом страны: это «холодная война», разделение Кореи, установление военных режимов в обеих частях страны и, что самое важное, поддержка южного режима извне — со стороны США и Японии. По его мнению, после получения независимости от японского колониализма (которое не было достижением самих корейцев) в Южной Корее не было ни одного правительства, установленного с согласия корейского народа, его волей и его усилиями. «После освобождения в 1945 году мы были под властью союзников, — пишет он. — Мы не могли достичь своей собственной демократии, она нам навязывалась»[19]. Ким Дэ Чжун, таким образом, полностью согласен со своим сингапурским коллегой Ли Куан Ю относительно того, что у навязанной извне демократии нет шансов на успех. Однако и во время диктаторских режимов Ли Сын Мана, Пак Чон Хи и Чон Ду Хвана демократические тенденции не были задушены: Ким подчеркива-

[17] Ibid.
[18] *Ким Дэ Чжун*. Указ. соч. С. 116–117.
[19] Там же. С. 121–122.

ет значимость таких событий, как Апрельская революция 1960 г.; успех своей кандидатуры на выборах 1971 г., когда «корейский народ раскрыл себя, свои потенциальные возможности, люди осознали себя гражданами»; демонстрации, выступавшие против режима Пака в конце его правления; восстание в Кванчжу[20].

Говоря об идейных исканиях Ким Дэ Чжуна, нельзя забывать о его религиозной принадлежности. Как отмечает В.М. Мазуров, политическая культура и политическое сознание в РК предельно персонифицированы, а потому отношение к религии того или иного политика представляется немаловажным; по его наблюдению, именно приверженцы христианского вероучения оказали доминирующее влияние на характер и направленность преобразований в корейском обществе[21]. Ким Дэ Чжун, как известно, был набожным католиком, убежденным, что «христианство играет большую духовную роль на пути к совершенствованию и демократии»[22]. Христианское мироощущение, стремление к терпимости пронизывает его рассуждения, равно как и его поступки: на заседании военного суда в 1980 г., приговорившего его к смерти, он призвал своих соратников не мстить за его казнь[23], а в первые же дни после прихода к власти амнистировал Чон Ду Хвана и Ро Дэ У, пригласив их позже на церемонию инаугурации. Несмотря на обвинения в спекуляции на религиозных чувствах масс[24], президент повторял, что «без Бога не стоит и слушать Ким Дэ Чжуна», и подчеркивал, что участвует в борьбе за демократию именно как христианин, как последователь Иисуса Христа, завещавшего защищать угнетенных[25]. Кроме того, как пишет В.М. Мазуров, Ким нередко проявлял склонность к риторике в духе *минчжун* — «учения народных масс». Эта теологическая доктрина была разработана южнокорейскими диссидентами-христианами в годы борьбы с авторитаризмом. В учение были включены основные христианские положения, а также элементы шаманизма, традиционного фольклора, идеи движения *тонхак* и антизападные настроения, а центральным тезисом выступало положение о свободе, равенстве и праве народа на руководство своей страной[26].

Тем не менее представление о Ким Дэ Чжуне как об эдаком западнике, ушедшем в христианство и отринувшем национальные традиции, в корне неверно. Искренняя и страстная приверженность христианской вере сочеталась в нем с глубоким пониманием восточной философии и уважением к ней. Здесь мы видим проявление свойственного азиатской и особенно корейской культуре стремления к синкретизму, синтезу, сочетанию разнородных элементов. В этом синтезе достижений восточной и западной философских систем он видел успешный путь дальнейшего развития демократии во всем мире. Объясняя моральный упадок и социальные проблемы в западных странах закономерным следствием индустриализации (а не недостатками культуры, как это делал Ли Куан Ю, списывая на западный индивидуализм такие беды, как распространение оружия, наркомания, рост преступности[27]), Ким Дэ Чжун пред-

[20] Там же. С. 123–129.

[21] *Мазуров В.М.* Политическое лидерство в многоконфессиональном южнокорейском обществе // Республика Корея: Опыт модернизации. М., 1996. С. 176, 203.

[22] *Ким Дэ Чжун*. Указ. соч. С. 133.

[23] Там же. С. 139.

[24] *Толстокулаков И.А*. Политическая модернизация Южной Кореи. Ч. 2. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. С. 490.

[25] *Ким Дэ Чжун*. Указ. соч. С. 140, 207.

[26] *Мазуров В.М.* Указ. соч. С. 188.

[27] *Fareed Zakaria*. Op. cit.

лагал задуматься над тем, как традиции азиатских народов могут помочь избежать этих трудностей и сделать демократию более эффективной. Он отмечал, что последние несколько столетий человечество находится под доминирующим влиянием античной и христианской философий. Теперь же пришло время обратиться к Китаю, Индии и другим странам Азии в поисках следующей духовной революции. Ким Дэ Чжун был убежден, что богатейшее наследие восточных философий может внести значительный вклад в развитие мировой демократии.

Некоторые исследователи склонны определять концепцию корейской демократии Ким Дэ Чжуна как «третью культуру», имея в виду ее альтернативность по отношению как к идеям вестернизации, так и к апологии «азиатских ценностей»[28]. Такая модель преодолевает веру в исключительность стран Восточной Азии и окончательно примиряет традиции восточной политической культуры с ценностями западной демократии. Отвергая стереотипы, искусственно созданные в интересах авторитарных режимов, Ким выступал против агрессивного противопоставления азиатских ценностей общечеловеческим. Вместо того чтобы абсолютизировать существующие межкультурные различия, он предлагал задуматься о том, что объединяет народы, о базовом стремлении к свободе, миру, гармонии, всеобщему благоденствию, лежащим в основе самых разных религий и учений. Ким Дэ Чжуна, таким образом, можно назвать глобалистом в философском и культурологическом смысле слова.

Литература

Асмолов К.В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М.: ИДВ РАН, 2009.

Ким Дэ Чжун. Драмы и надежды демократии. М.: Изд-во «Республика», 1992.

Мазуров В.М. Политическое лидерство в многоконфессиональном южнокорейском обществе // Республика Корея: Опыт модернизации. М., 1996.

Толстокулаков И.А. Политическая модернизация Южной Кореи. Ч. 2. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007.

Fareed Zakaria. Culture is Destiny: A Conversation with Lee Kuan Yew // Foreign Affairs, March–April 1994 [Electronic resource]. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/49691/fareed-zakaria/a-conversation-with-lee-kuan-yew (date of access — 11.04.2012).

Han Sang-Jin. Confucianism and Postcolonialism in the East Asian Context of Development // The Review of Korean Studies 2 (23–44). The Academy of Korean Studies, 1999.

Kim Dae-jung. Is Culture Destiny? The Myth of Asia's Anti-Democratic Values // Foreign Affairs, November–December 1994 [Electronic resource]. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/50557/kim-dae-jung/is-culture-destiny-the-myth-of-asias-anti-democratic-values?page=show (date of access — 15.05.2011).

Kyong Ju Kim. The Development of Modern South Korea. Routledge, 2006.

한국민족문화대백과사전 (Большая энциклопедия корейской национальной культуры). Т. 25. Сеул, 1999.

Park Chung Hee. Our Nation's Path: Ideology of Social Reconstruction. Seoul, 1970.

Park Chung Hee. To Build a Nation. Washington, 1971.

[28] *Kyong Ju Kim*. The Development of Modern South Korea. Routledge, 2006. P. 90.